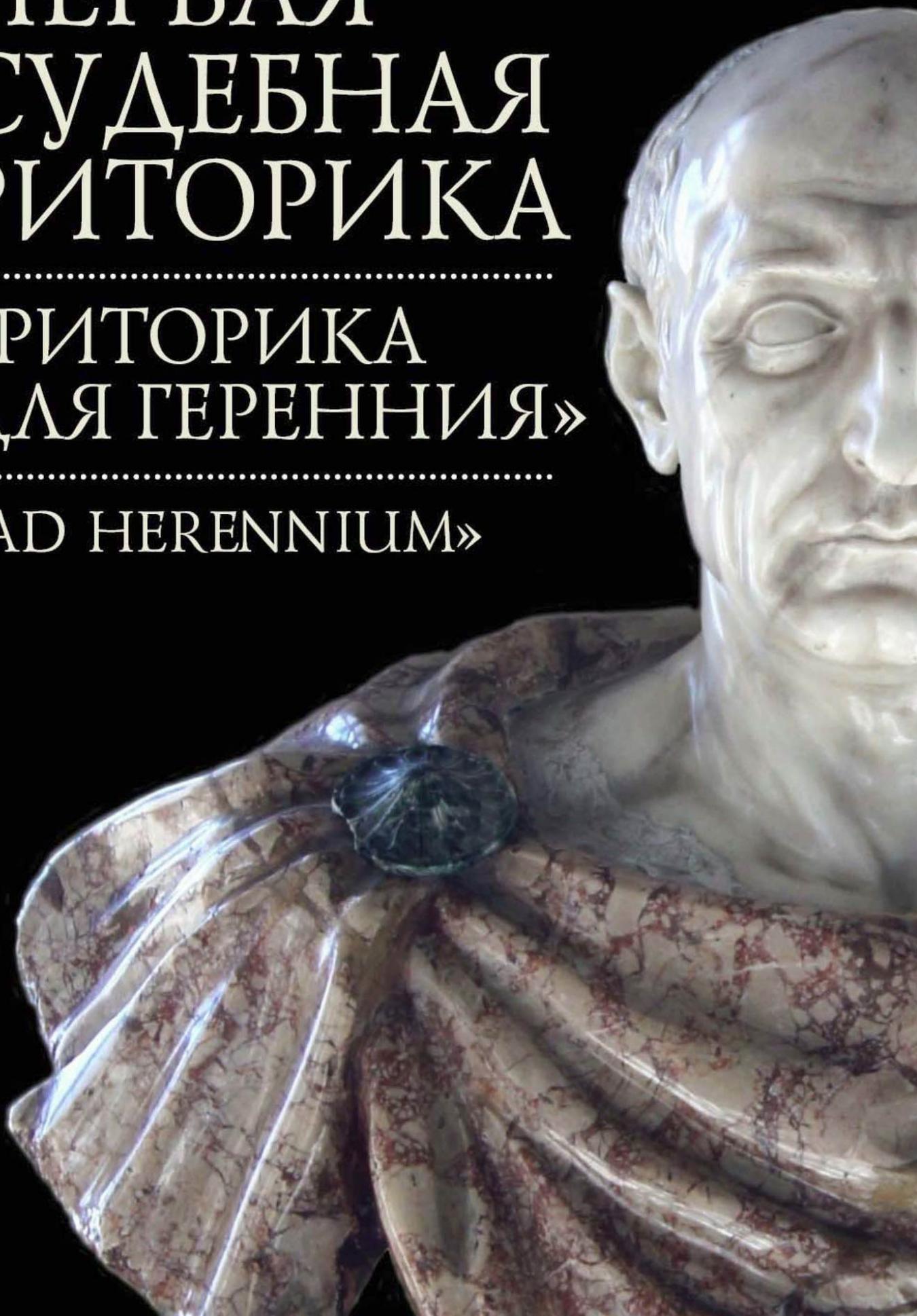

[Ц И Ц Е Р О Н]

ПЕРВАЯ СУДЕБНАЯ РИТОРИКА

«РИТОРИКА
ДЛЯ ГЕРЕННИЯ»

«AD HERENNIIUM»

Коллектив авторов

**Первая судебная
риторика. «Риторика для
Геренния» («Ad Herennium»)**

«Алетейя»

I в. до н. э.

УДК 808.5:34
ББК 67.7

Коллектив авторов

Первая судебная риторика. «Риторика для Геренния» («Ad Herennium») / Коллектив авторов — «Алетейя», I в. до н. э.

ISBN 978-5-906860-59-0

В книге, предназначенной для углубленного изучения курса риторики, представлен первый перевод на русский язык древнеримской риторики I в. до н. э. «Риторика для Геренния» («Ad Herennium»), которая использовалась в качестве учебника на протяжении всего Средневековья; исследована проблема авторства текста и его датировки; проведен анализ направленности римской риторики указанного периода и прослежена взаимосвязь между характером политических процессов и гражданской активностью массы речедееателей. Источник адресован политическим деятелям и государственным служащим, всем, намеревающимся посвятить себя служению обществу, а также преподавателям и студентам, любителям истории и риторики. Особый интерес книга представляет для юристов и правоведов.

УДК 808.5:34

ББК 67.7

ISBN 978-5-906860-59-0

© Коллектив авторов, I в. до н. э.

© Алетейя, I в. до н. э.

Содержание

Римская судебная риторика I века до н.э	6
«Риторика для Геренния» («Ad Herennium»)	19
Книга I	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Первая судебная риторика «Риторика для Геренния» («Ad Herennium»)

© С. Э. Зверев, Е. Ю. Голубева, перевод, вступ. ст., комментарии, 2016

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2016

Римская судебная риторика I века до н.э

Как отмечала И.П. Стрельникова [6], для исследователя «Риторика для Геренния» являет задачу о четырех неизвестных, ибо неизвестны ни автор, ни адресат, ни точное название книги, ни дата ее написания. Идей по этому вопросу было высказано немало отечественными и особенно зарубежными исследователями римского красноречия; они достаточно подробно изложены в упоминавшейся выше работе, к которой мы адресуем заинтересованного читателя.

Первые два вопроса представляют наибольший интерес, ибо от ответа на них напрямую зависит и разрешение четвертого; третий, как представляется, по сравнению с ними является малосущественным и вряд ли разрешимым, разве что вдруг обнаружатся неизвестные науке источники, из которых и остальные вопросы получат полное и удовлетворительное освещение.

Проблема авторства «Риторики» вращается вокруг личности Цицерона: можно ли считать великого ратора и оратора причастным к ее созданию. Положительно этот вопрос разрешает, например, Оксфордское издание 1954 г., по чьему тексту выполнен наш перевод, на колонтитуле которого недвусмысленно указано: «Cicero. Ad Herennium».

Мнения в поддержку этой точки зрения возникали преимущественно из анализа корреспонденции Цицерона в поисках мест, указывающих на написание им «школьного» трактата, к которому авторы практически единодушно относят «Риторику для Геренния», и стиля его позднейших риторических трактатов. Между тем, общепризнанная датировка «Риторики», относящая ее написание к периоду 86–82 гг. до н. э. (подробнее о датировке мы будем говорить ниже) в определенной степени противоречит вопросу об авторстве Цицерона. В самом деле: в двадцатилетнем возрасте мало кто берется за написание учебников, не имея к тому же практического опыта в излагаемом материале. Это выглядело бы несколько самонадеянным даже для Цицерона, который в период зрелости отнюдь не страдал от ложной скромности.

Гораздо уместнее, на наш взгляд, обратиться за подтверждением авторства Цицерона к его ранним речам в попытке найти в них сюжетные, если так можно выразиться, и стилистические совпадения с текстом «Риторики».

Первые речи Цицерона, которые принесли ему славу оратора – речь в защиту Публия Квинкция (81 г. до н. э.) и особенно речь в защиту Секста Росция (81 г. до н. э.) – произносились в суде. Отметим, что и в «Риторике» главное внимание уделено разработке судебной речи, по мнению автора, наиболее сложной из всех; в примерах, иллюстрирующих построение фигур речи и мысли, значительное место занимают фрагменты речений из судебных тяжб, посвященных имущественным вопросам, т. е. именно тем, которые стали предметом разбирательства на указанных процессах. Ниже приводится несколько фрагментов речей Цицерона и соответствующие выдержки из «Риторики» – их анализ может оказаться полезным для принятого нами исследования.

Из речи в защиту Секста Росция	Из «Риторики для Геренния»
<p>XXI, 59. Стоило обратить внимание на то, как небрежно он держал себя, выступая как обвинитель, — если только вы, судьи, заметили это... Он стал проявлять крайнюю развязность, садясь, когда ему вздумается, затем расхаживая взад и вперед; иногда он даже подзывал к себе раба, вероятно, для того, чтобы заказать ему обед; словом, он вел себя так, точно был совершенно один, не считаясь ни с вами, судьями, ни с присутствующими.</p>	<p>IV: 50. Этот человек, судьи, полагает, что замечательно считаться богатым; посмотрите сначала, как пристально он разглядывает нас. Не кажется ли вам, что он сейчас скажет: «Я бы с удовольствием дал бы вам клиентский надел, если вы не испытывали мое терпение»... Когда он поворачивается к мальчишке [-рабу], который у него только один — я это знаю, а вы нет, я полагаю, — он называет его то одним именем, то другим, то третьим...</p>
<p>XLIX, 144. ... если он вполне добросовестно отдал тебе все свое достояние, все пересчитал, все взвесил, если он передал тебе одежду, которой было прикрыто его тело, и перстень, который он носил на пальце, если из всего своего достояния он не оставил себе ничего, кроме своего нагого тела, — позволь ему, невиновному, влачить жизнь в бедности, пользуясь помощью друзей.</p>	<p>IV: 29. Так как только душа и тело остаются со мной, теперь, когда я лишен всего остального, даже это единственное добро, оставленное мне, я вверяю вам и вашей власти. Распоряжайтесь и даже злоупотребляйте ими в ваших собственных целях, как сочтете нужным; безнаказанно решайте в отношении меня, каким бы решение ни было...</p>
<p>XXIV, 66. ...тех людей, которые, по рассказам поэтов, мстя за отца, убили мать, — несмотря на то, что они, по преданию, совершили это по велению бессмертных богов и оракулов — все же преследуют фурии...</p>	<p>I: 16. ...когда Орест говорит, что он убил свою мать, чтобы отомстить за своего отца, справедливо ли, чтобы Клитемнестра была убита своим сыном без суда?</p>

Из речи в защиту Секста Росция	Из «Риторики для Геренния»
<p>XXV, 69-70. И вот, если на основании многого можно заключить, что наши предки... придумали для отцеубийц единственную в своем роде казнь, чтобы страхом перед тяжестью наказания удержать от злодеяния тех, кого сама природа не сможет сохранить верными их долгу. Они повелели зашивать отцеубийц живыми в мешок и бросать их в реку.</p>	<p>I: 13. Другой закон гласит: «Тот, кто был уличен в убийстве своего родителя, должен быть полностью обернут и увязан в кожаный мешок и брошен в бегущий поток»...</p>
<p>XLI, 119-120. Я уже говорил, что у Росциев не раз требовали двух рабов для допроса. Ты, Тит Росций, в этом всегда отказывал... Далее, требование, предъявленное тебе, было такого рода, что твой отказ был равносителен твоему сознанию в совершении тобой злодеяния.</p>	<p>IV: 30. Строя совершенную защиту, не возражай, дай допросить рабов, усердно стремись найти истину.</p>
<p>XXXV, 100. Не знаю, но вижу одно — Капитон участвовал в дележе имущества Секста Росция: из его тринадцати имений Капитон, вижу я, владеет тремя наилучшими. Кроме того, я слышал, что это не первое подозрение, падающее на Капитона, что он заслужил много позорных для него пальмовых ветвей, но эта, полученная им в Риме, даже украшена лентами.</p>	<p>IV: 53. Намек через двусмысленность — когда слово может быть понято в двух или более смыслах, но все же употребляется в том смысле, который выгоден говорящему; например, если бы пришлось высказаться в отношении человека, который вступает в права многих наследств: «Да ты прозорливец, коль мог столь многое предвидеть»</p>
<p>XXXVI, 103. Публий Африканский, чье прозвание ясно говорит о покорении им третьей части мира, и тот не стал бы выступать как свидетель, если бы дело касалось его самого; а ведь о таком муже я не решаюсь сказать: «Если бы он выступил, ему не поверили бы».</p>	<p>IV: 15. Это к тебе сейчас я обращаюсь, Африканец, чье имя даже в смерти означает величие и славу государства!</p>

Из речи в защиту Секста Росция	Из «Риторики для Геренния»
VI, 15. ...тайные убийцы и гладиаторы требуют, чтобы люди, за свои заслуги избранные из числа граждан в сенаторы... не только освободили их от наказания, но еще и выпустили их отсюда обогатившими и как бы награжденными славной боевой добычей.	III: 7. ...если человек имеет физические достоинства, мы объявим, что он злоупотребил тем, что, как подлый гладиатор, он получил благодаря случаю и природе.

Из речи в защиту Публия Квинкция	Из «Риторики для Геренния»
XVIII, 59. ...он не любил ни гулять у солнечных часов...	IV: 10. ...такой резкий тон, конечно же, не практикуется у солнечных часов...
XXVI. О, если бы теперь встали из своих могил все Крассы и Антонии...	IV: 53. Но если бы великий Луций Брут смог восстать из могилы и появился бы здесь перед вами, не сказал бы он...

Нельзя также обойти вниманием многочисленные случаи применения в речах Цицерона фигур речи и мысли, которые рекомендует использовать и «Риторика». Но это, конечно, свидетельства косвенные. Главное, из чего мы исходим, и на что указывает приведенный выше небольшой текстологический анализ, что «Риторика» писалась Цицероном на основе опыта, полученного в ходе работы над судебными речами в защиту Квинкция и Росция, для подготовки к политической деятельности, поскольку именно примеров речей на политическую тематику с ярко выраженной республиканской направленностью больше всего содержится в четвертой книге.

Рассмотрим, например, начало из знаменитой первой речи против Катилины. Здесь тоже немало аллюзий с «Риторикой», самые яркие из которых приведены ниже.

Достаточно характерно, что Цицерон требовал не немедленной смерти Катилине, а всего лишь изгнания, как и автор «Риторики», направлявший громы и молнии против гипотетического врага отечества. Подобная «умеренность» очень характерна для политических решений Цицерона, бывшего прежде всего человеком мысли и слова, а не грубого насилия.

Из первой речи против Катилины	Из «Риторики для Геренния»
<p>I, 1-2. Сенат все это понимает, консул видит, а этот человек все еще жив. Да разве только жив? Нет, даже приходит в сенат, участвует в обсуждении государственных дел, намечает и указывает своим взглядом тех из нас, кто должен быть убит, а мы, храбрые мужи, воображаем, что выполняем свой долг перед государством, уклоняясь от его бешенства и увертываясь от его оружия.</p>	<p>IV: 49. Он ежедневно скользит в центр форума, как дракон с кривыми клыками, ядовитым взглядом и лютым шипением, озираясь по сторонам, кого бы схватить пастью, в кого бы вонзить зубы, впрыснуть яд с языка.</p>
<p>II, 4-5. А мы, вот уже двадцатый день, спокойно смотрим, как при тупляется острие полномочий сената... Хочу я, отцы-сенаторы, быть милосердным; не хочу, при таких великих испытаниях для государства, показаться безвольным; но я сам уже осуждаю себя за бездеятельность и трусость... Если я тотчас же велю тебя схватить, Катилина, если я велю тебя казнить, то мне, несомненно, придется бояться, что все честные люди признают мой поступок запоздалым, а не опасаться, что кто-нибудь назовет его слишком жестоким.</p>	<p>IV: 36. По какой причине, судьи, вы колеблетесь вынести приговор — или этот человек не закоренел в беззаконии?.. Двигал ли вами страх, что, если вы осудите его на первом же слушании, вас сочтут жестокими? Стараясь избежать упрека в жестокости, от чего были далеки, вы подверглись другому поношению — вас считают робкими и трусливыми. Нанесен большой ущерб частным лицам и государству, и теперь, когда, по-видимому, угрожает еще более крупный, — сидите и зевааете. Днем вы ожидаете вечера, ночью вы ждете дня. Каждый день объявляются хлопотные и неприятные новости, но даже теперь вы все еще медлите с источником этих наших недугов и питаете его [надежды] на уничтожение республики; до каких пор вы будете терпеть его в обществе?</p>
<p>XI, 29. Но если в какой-то мере и следует опасаться ненависти, то разве ненависть за проявленную суровость и мужество страшнее, чем ненависть за слабость и трусость?</p>	

Если признать в качестве рабочей гипотезы авторство «Риторики» за Цицероном, то следует предположить, что текст ее никак не мог быть написан раньше 78 г. до н. э. – года смерти всесильного диктатора Суллы, панегириками которому буквально нашпигована речь в защиту Секста Росция, – поскольку «Риторика» об оптиматах упоминает всего дважды, причем один раз явно саркастически. Этого Цицерон, чья политическая осмотрительность, если не сказать более, конечно, мог себе позволить даже в частной корреспонденции только в условиях отсут-

ствия явной и непосредственной угрозы со стороны многочисленных и крайне опасных сулланцев.

В пользу этой версии говорит очень выразительный эпизод (IV: 52), который можно считать описанием обстоятельств применения сулланских проскрипций 82 г. до н. э., следы которых почему-то не усматривают в «Риторике» при разрешении вопроса о ее датировке. Причем эпизод этот свидетельствует о самой грубой и возмутительной форме произвола, сопровождавшего проскрипции – когда они применялись, даже не прикрываясь видимостью политической необходимости, но из чувства личной вражды и жажды обогащения. «Насыть мою вражду и утоли мой гнев своею кровью!» – восклицает ворвавшийся в дом состоятельного человека во главе группы солдат его враг или просто завистник и, невзирая на мольбы жены хозяина, тут же закалывает его на глазах пораженных ужасом домочадцев. После первого взятия Рима войсками Суллы в 88 г. до н. э. таких явных беззаконий все же не наблюдалось; солдатню, жаждавшую пограбить, очень быстро приструнили и от греха подальше увели в поход против Митридата.

Тем не менее, период между 88 и 82 гг. до н. э. никак нельзя считать спокойным, как полагают некоторые исследователи, поскольку в Риме после ухода армии Суллы ситуация отнюдь не стабилизировалась; марианцы, пользуясь его отсутствием, развернули настоящий террор против оптиматов, что и вылилось в ответную полномасштабную резню 82 года. Время, что и говорить, было не очень располагающее к написанию учебников по красноречию, чье бы авторство ни предполагалось.

Напротив, с 78-го по 76-й гг. до н. э. (от смерти Суллы до отъезда Цицерона на Сицилию) политические страсти в Риме поутихли, так что вполне можно было заниматься философией, как о том пишет автор «Риторики» в начале своего труда, и готовиться к политической карьере, завязывая полезные знакомства в среде нобилитета. Что книга закончена была до отъезда Цицерона, говорит то, что в тексте он неоднократно упоминает о возможности личных встреч со своим адресатом и проведения «консультаций» по трудным вопросам искусства риторики.

Здесь мы подходим к вопросу, что за человек был Гай Геренний, которого наш автор старательно наставлял в искусстве риторики. Прежде всего, очевидно, что человеком он должен быть состоятельным, образованным и достигшим определенного успеха в жизни, на что намекает сам автор (IV: 56). Успех в Риме в этот период определялся политической карьерой, и умение хорошо говорить было востребовано более всего на политическом поприще.

Из римских сенаторов до нашего времени история сохранила имена двух предполагаемых современников автора «Риторики», носивших это имя. Первый – сенатор Гай Геренний погиб около 75 г. до н. э., сражаясь против сулланцев под знаменами Квинта Сертория в Испании, в битве при Валентии. Второй Гай Геренний известен тем, что в 80-м и 60-м гг. до н. э. избирался народным трибуном. Именно он представляет для нас наибольший интерес, поскольку первому Гереннию – соратнику смутьяна и мятежника – было явно не до философии и тем более не до риторики, по крайней мере, не до судебной.

В пользу соображения о том, что адресатом автора «Риторики» был бывший народный трибун Гай Геренний, говорит то обстоятельство, что в тексте множество примеров относится именно к политической деятельности народных трибунов, как в следующем случае: «Тиберию Гракху долгие годы пробыть у кормила республики помешала незаслуженная насильственная смерть. Подобная участь постигла Гая Гракха, внезапно вырванного из лоно государства, героя и непоколебимого патриота. Сатурнин, жертва вероломства, злодейски лишен жизни. О Друз, твоей кровью забрызганы стены твоего жилища и лицо твоей матери. Сульпицию только что шли на любую уступку, но вскоре [его] не только лишили жизни, но даже погребения» (IV: 22). Все перечисленные персонажи в разное время были народными трибунами и пролили кровь

за свои политические убеждения. Надо понимать, что автор риторики сознательно подбирает наиболее актуальные для своего корреспондента примеры.

Нельзя не отметить и того факта, что автор «Риторики» относится к своему адресату не как к патрону (что было бы неудивительно, если учесть, что среди римских риторов было немало людей незнатных, а порой и вообще происходивших от вольноотпущенников и даже рабов) или клиенту (что вовсе невозможно), а только как к более старшему по возрасту коллеге. И в начале, и в конце книги автор подчеркивает, что их с адресатом связывают узы дружбы и даже родства. Следовательно, положение самого автора в римском обществе можно считать обеспеченным и участие его в политической жизни несомненным.

«Даже если в ораторстве мы еще не достигли цели, нам будет только немногого не хватать для совершенства», – эта строка последнего параграфа четвертой книги, на наш взгляд, ясно указывает как на то, что автор трактата сам рассматривал риторику в качестве средства достижения успеха в политической карьере, а не дела всей своей жизни, что было бы естественно для профессионального ритора, так и на то, что сам себя он в тот период отнюдь не считал непревзойденным мастером в искусстве риторики. И впоследствии, например, в речи в защиту поэта Архия Цицерон указывал, что он «никогда не был всецело предан одному только этому занятию»: риторика постепенно стала для него делом жизни, после того как не оправдались надежды продолжить играть видную роль в римской политической жизни по окончании консульства.

Оба этих соображения не противоречат нашей версии о личностях автора и его адресата и подкрепляют точку зрения о дате написания «Риторики». Как представляется, молодой Цицерон мог написать трактат в период 78–76 гг. до н. э., во-первых, для того чтобы упорядочить собственные знания в риторике (автор этих строк со своей стороны свято убежден, что лучший способ глубоко изучить предмет, который преподаешь – написать по нему учебник), во-вторых, чтобы заручиться поддержкой в предстоящей политической карьере влиятельного лица, как теперь принято говорить, «действующего политика», который буквально пару лет тому назад занимал высокий пост народного трибуна, а через него и могущественного клана Метеллов, к которому Гай Геренний, насколько можно судить, был близок. Очевидно, за период своего трибуната Геренний ощутил недостаток ораторских способностей и обратился за помощью к набиравшему известность Цицерону. Можно считать, что уроки пошли сенатору впрок, ибо в период своего второго срока (60 г. до н. э.) он даже предложил и, очевидно, отстаивал законопроект, известный под названием «Herennia lex».

Существуют и другие косвенные свидетельства авторства Цицерона «Риторики для Геренния»: хотя бы нехарактерное для римлян положительное отношение к актерам и поэтам, которое прослеживается как в речах Цицерона, так и в тексте трактата.

* * *

Предлагаемая вниманию читателя «Риторика для Геренния» состоит из четырех книг; в делении книг на параграфы мы следовали упоминавшемуся выше Оксфордскому изданию 1954 г., согласно которому первая книга состоит из 17 параграфов, вторая – из 31, третья – из 24 и четвертая – из 56 параграфов. Нумерация параграфов в тексте и ссылках дана арабскими цифрами для облегчения восприятия современным читателем.

С этой же целью важнейшие родовые понятия выделены при первом употреблении **полужирным шрифтом** и снабжены приведенным в скобках написанием термина по латыни. Видовые понятия при первом употреблении в тексте выделяются *полужирным курсивом*; в дальнейшем, при раскрытии содержания понятий, они выделяются светлым *курсивом*. Чтобы облегчить навигацию в тексте, при последующем употреблении терминов и понятий они снабжаются ссылками на то место в тексте, где они встретились впервые. Подстрочным коммента-

рием и перекрестными ссылками также снабжены все имена, события, даты и единицы измерения, встречающиеся в тексте.

Подстрочным комментарием сопровождается также употребление многозначных понятий. Например, термин «место» в тексте встречается минимум в четырех значениях:

- как элемент физической местности, на которой проводятся упражнения по мнемонике;
- как место в памяти, куда записываются соответствующие образы;
- как аналог описательных и ценностных топов (в современных терминах), использующихся преимущественно в системе аргументации;
- как весьма специфические отличительные и общеупотребительные топы и темы речей обвинения и защиты, к которым прибегают в суде, когда подозрения приобретают характер обвинения.

Дабы не умножать сущности и приблизить текст к стилю оригинала, такого рода термины употребляются в авторском написании, выделяются курсивом и сопровождаются разъясняющим подстрочным комментарием в сноске.

Хотим почеркнуть, что все средства визуализации материала являются нашими и не имеют отношения к оригиналу. В синтаксисе мы старались придерживаться авторского подхода, если это не вело к чрезмерному утяжелению фразы.

Встречающиеся в тексте стихотворные примеры из Энния, Плавта, Пакувия и других римских и греческих авторов даны в нашем переводе, за исключением тех случаев, когда перевод невозможен в силу особенностей звукового строя латыни, особенно там, где имеет место игра слов. В указанных случаях примерный или дословный перевод приводится в сносках.

* * *

Первая книга предлагает вниманию читателей классическую классификацию риторически разрабатываемых речей на судебные, совещательные и показательные (эпидейктические) и настолько же обычное для древних риторик разделение процесса работы над речью на пять этапов: изобретение, композицию, стиль, запоминание и исполнение.

Изложение требований, предъявляющихся искусством риторики к изобретению, композиции, запоминанию и исполнению применительно ко всем родам речей, содержится в первых трех книгах. Правилам стиля посвящена четвертая книга «Риторики».

Наиболее детально в «Риторике» разработаны процедуры изобретения судебных речей, соответствующих видам дел, различающихся по признаку существа дела (в современных терминах), что показывает рис. 1.

Не совсем ясно, соответствовала ли приведенная в «Риторике» классификация дел реальной судебной практике, или она была произведена автором произвольно, с целью облегчить рассмотрение различий в подходах при изобретении речи.

Процедура самого сложного, по мнению автора «Риторики», толковательного дела, когда речь идет исключительно о фактах, складывается из шести этапов: рассмотрения возможности совершения преступления подсудимым, сопоставления преступления с выгодой, которую подсудимый мог из него извлечь, рассмотрения признаков преступления, указывающих на подсудимого, наглядных доказательств его вины, изучения последующего за преступлением поведения подсудимого и, наконец, подтверждения его вины.

Правовое по своему существу дело строится на устранении противоречий между буквальным пониманием текста правового документа и его подтекстом; между противоречащими положениями различных законов и противоречащими решениями; когда речь идет об устранении текстуальной двусмысленности правового документа; когда возникает спор вокруг определения того или иного правового понятия; когда ответчик настаивает на отводе истца или

судей и если в отсутствие применимого закона, полностью отвечающего условиям совершенного преступления, решение ищется по аналогии, т. е. на основании правового прецедента.

Юридическое по существу дело, т. е. дело, в котором речь идет только о правовой оценке совершенного действия, сам факт которого не вызывает сомнений, распадается на два подвида: безусловно-юридическое и допустимо-юридическое дело.

Безусловно-юридическое дело опирается при определении правомочности или правомерности действий исключительно на источники права, которыми выступают: законы, установленные природой или принятые людьми; повсеместно распространенный народный обычай; предыдущие судебные решения; однозначно понимаемая справедливость и соглашение между сторонами, имеющее статус правовой нормы.

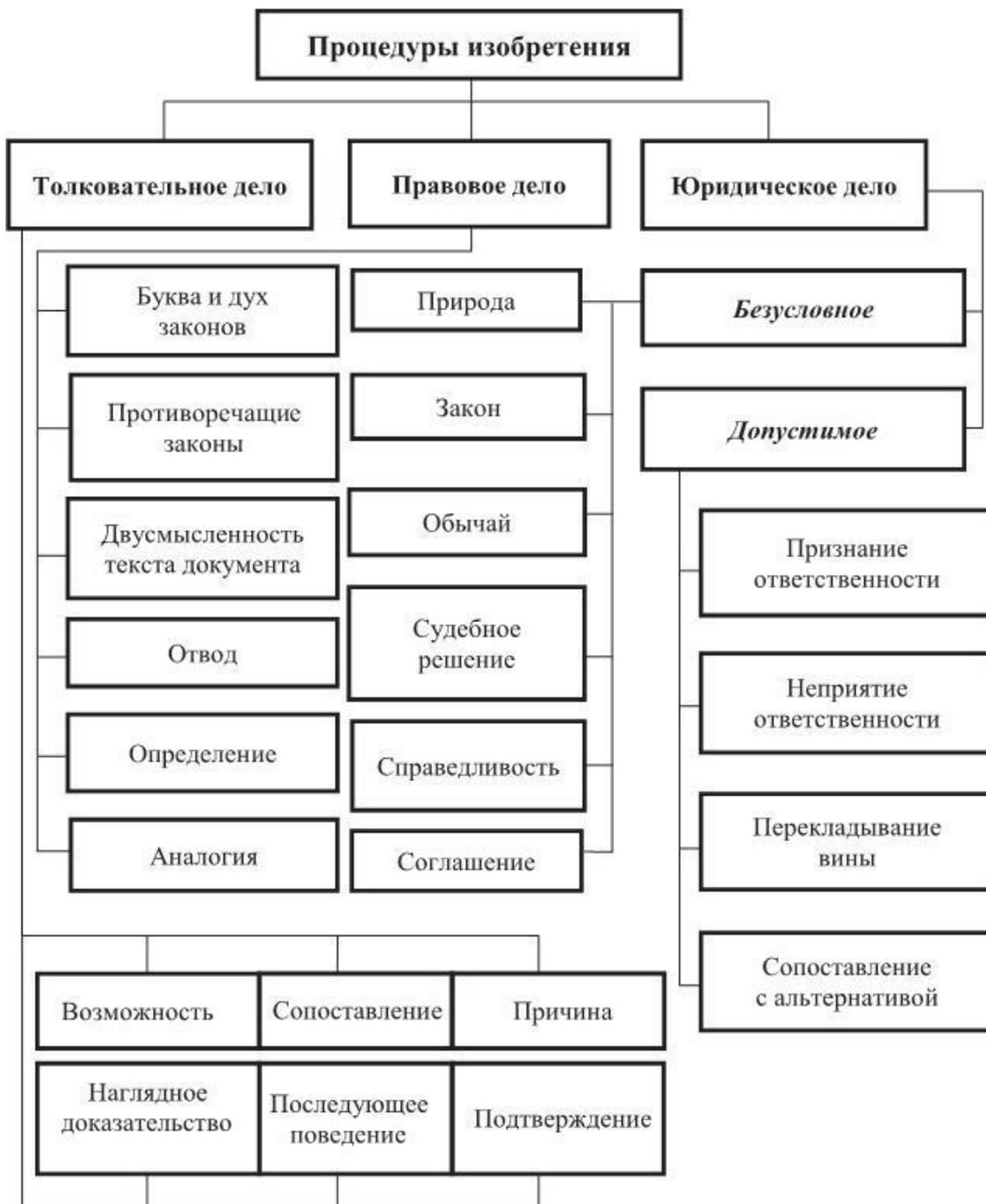

Рис. 1. Процедуры изобретения судебных речей

Допустимо-юридическое дело строится на привлечение непосредственно не относящегося к делу материала, к которому относится: признание подсудимым своей ответственности, выраженное в прощении о помиловании; неприятие подсудимым ответственности, сопровождающееся переносом вины на других людей или обстоятельства; перекладывание ответственности за лично совершенное преступление на преступления других людей; обоснование, что то или иное действие подсудимого при сложившихся обстоятельствах было наилучшей и оправданной альтернативой.

Поскольку успех и неудача любого дела, равно и как сам метод убеждения, по замечанию автора, покоится на умении аргументировать, во второй книге дается подробное описание данной процедуры. Надо отметить, что трактовка, что есть аргумент, в понимании автора «Риторики» несколько отличается от современного толкования. Начиная с выхода в свет известного трактата Х. Перельмана и Л. Ольбрехт-Тытеки¹, аргументация в понимании современных риториков и философов представляет собой набор определенным образом расположенных доводов в доказательство или опровержение какого-либо мнения. Трактовка автора «Риторики» приближает аргумент к хрии², поскольку полный и законченный аргумент должен состоять из предложения, в котором излагается то, что намереваются доказать или опровергнуть; причины, в которой кратко разъясняются основания достоверности того, что указано в предположении; доказательства, подкрепляющего развернутыми доводами то, что кратко изложено в причине; украшения, использующегося для обогащения аргумента; и вывода, подводящего итог рассуждениям. Фактически аргумент, взятый в совокупности своих пяти частей, как и хрия, представляет собой небольшую законченную речь.

Третья книга посвящена объяснению правил изобретения в совещательной и показательной речи, а также правил композиции, техники развития мнемонических способностей и изложению требований к исполнению речи.

Целью разработки совещательной речи автор полагает выбор способа или направления действий при наличии двух и более альтернатив. Критерием выбора выступает польза, которая в полном соответствии с теорией общественной речи³ трактуется с позиции обеспечения безопасности и сохранения чести. На концептах славы, доблести, твердости⁴ и чести, напомним, основывался героический пафос общественной речи, преобладавший на протяжении античности. Именно освещению вопроса, какие решения и поступки являются достохвальными, уделено больше внимания в трактате. Побудительными причинами (мы стремились избегать слова «мотив») тех или иных решений здесь являются мудрость, справедливость, твердость и умеренность. Особенно красноречиво и, не побоимся этого слова, величественно описывает автор «Риторики» топы, на которых основывается твердость: «Ни опасности, ни тяготы, сколь бы великими они ни были, не отклонят нас от достопочтенных деяний; смерть следует предпочесть позору; никакое страдание не должно вынудить забыть долг; в отстаивании истины не следует опасаться человеческой неприязни; справедливость повелевает нам уважать страну, родителей, гостей, близких и прочих, обязывает быть твердыми в любой опасности и переносить любые тяготы» (III: 3). Читая эти строки, понимаешь, на чем основывался у древних римлян инстинкт «к онтологическому всемирному господству» (по А.Ф. Лосеву⁵) и чем он подкреплялся. На этих нехитрых истинах создаются, стоят и прирастают территориями великие империи.

¹ Перельман Х.; Ольбрехт-Тытека Л. Из книги «Новая риторика: трактат об аргументации» // Язык и моделирование социального взаимодействия. М.: Прогресс, 1987. С. 207–264.

² Хрия (от греч. χρεία – польза, употребление) – учебная речь.

³ См. Зверев С.Э. Речевое воспитание военнослужащих. СПб.: Алетейя, 2013. 408 с.

⁴ Так древние предпочитали именовать мужество. И мы согласны с ними, ибо странно считать обладание указанным качеством привилегией только одного пола.

⁵ Лосев А.Ф. Эллинистически-римская эстетика. М.: «Мысль», 2002. 703 с.

Меньше всего внимания уделено в «Риторике» показательной речи. Автор ограничивается указанием на то, что предметом похвалы могут выступать: внешние обстоятельства, физические качества и свойства характера человека. Впрочем, за этим следует оговорка, что изучать этот вид речей и практиковаться в нем необходимо, поскольку, несмотря на то что жизнь представляет относительно немного поводов блеснуть эпидейктическим красноречием, в совещательных и судебных речах нередко приходится хвалить или порицать то или иное лицо или решение, поэтому следует твердо знать, как это делается.

Еще более краток автор при описании правил композиции: указывается только, что следует соблюдать правила расположения как частей речи, так и частей аргумента; сам же порядок расположения не является чем-то неизменным, но полностью определяется конкретной ситуацией и обстоятельствами разработки и исполнения речи.

Зато к этому последнему автор «Риторики» подходит исключительно ответственно, прямо по пословице «конец – делу венец», рассматривая исполнение речи как важнейший этап ее разработки, зависящий от двух основных условий: качества голоса и мимики и кинесики оратора.

Голосовые качества оцениваются по трем показателям: сила, звучность и гибкость голоса. Первые два полагаются данными человеку от природы и мало зависящими от искусства оратора. Зато гибкость тона голоса имеет множество подразделений, представленных на рис. 2, от овладения которыми и зависит успех ораторской речи.

Отмечается, что разговорный тон ближе всего к повседневной речи; состязательный тон подходит для словопрений; усиливающий тон либо пробуждает в слушателе гнев, либо располагает его к жалости.

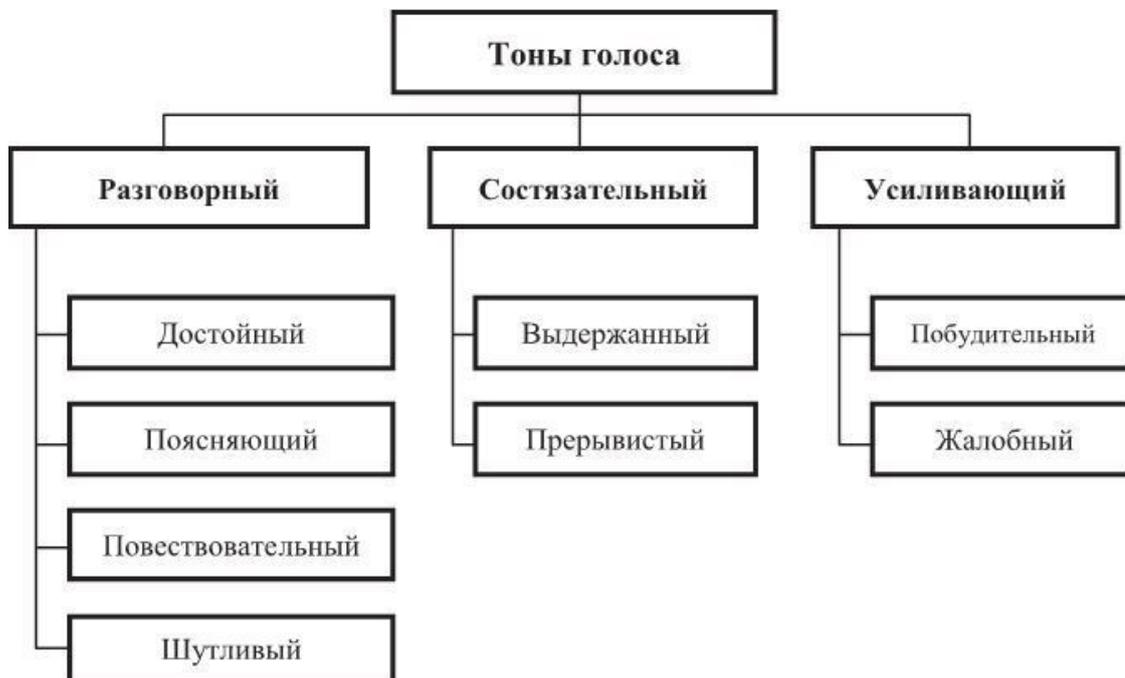

Рис. 2. Тоны голоса оратора

Достойный тон предполагает некоторую серьезность темы и сдержанность говорящего; поясняющий предназначен для спокойного разъяснения чего-либо; повествовательным излагают произошедшие или могущие произойти события; шутливым вызывают у слушателей смех, который, впрочем, не должен переходить в безудержный хохот.

Выдержанный тон отличается несколько повышенным темпом и силой голоса; прерывистый – характерен «рваным» ритмом и громкими резкими репликами.

Для побудительного тона характерно говорение в максимальном темпе голосом высокой амплитуды; для жалобного, наоборот, низкая тональность голоса, затухающие интонации, прерывающиеся частыми нерегулярными паузами.

Указанным восемью разновидностям тона соответствуют и восемь способов исполнения речи и поведения оратора, которые подробно описываются автором.

Вызывают большой интерес две базовые мнемонические техники, приведенные в третьей главе «Риторики», различающиеся тем, что одна основывается на отыскивании и запоминании образов, вызывающих ассоциации с обстоятельствами дела, а другая – на отыскании и запоминании образов, вызываемых словами, созвучными содержащимся в тексте, подлежащему запоминанию.

Четвертая глава начинается с обстоятельного разъяснения, почему автор предпочитает при описании стиля пользоваться собственными примерами, в отличие от распространенной (кстати, по сей день, особенно в риториках, принадлежащих перу филологов) практики использования примеров, почерпнутых из литературных произведений или ораторской практики выдающихся мастеров слова. Наш автор не без юмора замечает, что к заимствованным примерам стоит прибегать, только иллюстрируя ошибки стиля, в то время как собственные примеры должны свидетельствовать не об образованности ратора, но о его профессиональной компетентности в предмете, которому он учит. С этим трудно не согласиться.

Наряду с разделением стиля на высокий, умеренный и низкий, которые, в целом, не нуждаются в комментариях, автор выделяет три качества, которым должен соответствовать стиль оратора: изысканность, сочетаемость и достоинство.

Изысканность стиля обеспечивается хранением чистоты языка и ясностью выражений; сочетаемость – гармоничным чередованием в речи согласных и гласных звуков; достоинство придает речи употребление фигур речи и фигур мысли.

Собственно, почти вся глава посвящена изложению разновидностей фигур, которые показаны в табл. 1.

Таблица 1.

Фигуры речи и фигуры мысли

Фигуры речи	Фигуры мысли
Анафора	Распределение
Эпифора	Откровенность
Симплока	Принижение
Традукция	Описание [последствий]
Антитеза	Разделение
Апостофа	Накопление
Рассуждение	Отделка
Сентенция	Задержка
Контраст	Антитеза
Колон	Сравнение
Комма	Иллюстрация
Период	Уподобление
Изоколон	Описание внешности
Гомеотелевтон	Характеристика
Парономазия	Диалог
Гипофора	Просопопея
Градация	Намек
Определение	Краткость
Переход	Демонстрация
Коррекция	

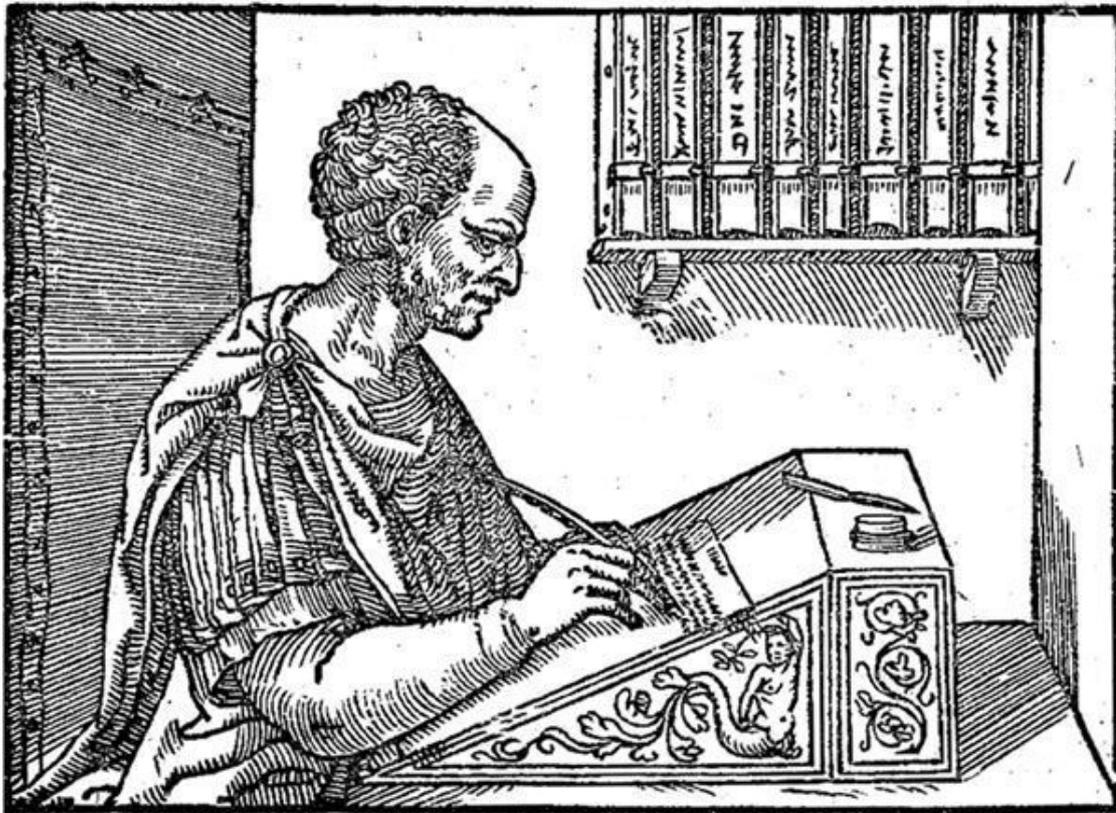
Фигуры речи	Фигуры мысли
Умолчание Дизъюнкция Конъюнкция Адъюнкция Удвоение Синонимия Хиазм Разрешение Выбор Исключение Асиндетон Апозиопезис Вывод Ономатопея Антономазия Метонимия Перифраза Гипербатон Гипербола Синекдоха Катахреза Метафора Аллегория	

Несмотря на то, что автор оговорил, что он ставит себе в особенную заслугу употребление исключительно латинских названий фигур речи и мысли, мы сохранили исторически сложившиеся названия, пришедшие к нам из греческого языка, и русские эквиваленты, дающие лучшее представление об особенностях фигур, приведя латинские названия в скобках.

* * *

Безусловно, в чем единодушны все исследователи «Риторики для Геренния», главное украшение трактата составляют речи, которые использованы автором в качестве примеров при описании разновидностей стиля и как иллюстрации к фигурам речи и фигурам мысли. В них проглядывает личность гражданина, горячо преданного отечеству и республиканским идеалам, и человека мыслящего, гуманного, сострадающего, не чуждого суховатого юмора, блески которого, подобно крупичам золота, нет-нет да и блеснут в наслоениях принципов, наставлений и рекомендаций. И в этот момент автор более чем двухтысячелетней «Риторики» становится вдруг очень близким и понятным нам, почти нашим современником, от радости встречи с которым мы более не смеем удерживать наших уважаемых читателей.

«Риторика для Геренния» («Ad Herennium»)

Книга I

1. Мои частные дела настолько занимают меня, что я с трудом могу найти достаточно свободного времени для занятий; тот малый досуг, что у меня остается, я, как правило, предпочитаю тратить на философию. Тем не менее, твое желание, Гай Геренний, подстегнуло меня начать работу по теории публичной речи, чтобы ты не мог предположить, что в предмете, тебя касающемся, мне либо не хватило воли, либо я уклонился от труда. И я взялся за эту работу тем более охотно, что знал, что ты положил хорошее начало в надежде изучить риторику, потому что истинно, что изобилие выразительности и легкость в выражениях приносят обильные плоды, если опосредуются надлежащим знанием и строгой дисциплиной ума.

Именно поэтому я предпочел не рассматривать те темы, которые, ради суетного самоутверждения, присвоили себе греческие авторы. Ибо они, из страха показаться знающими слишком мало, пошли по пути изобретения понятий, не имеющих отношения к искусству [риторики], чтобы искусство казалось более трудным для понимания. Я, со своей стороны, рассматриваю темы, которые на самом деле имеют отношение к теории публичной речи. Я не влекусь надеждой на прибыль или стремлением к славе, как и всем прочим, что побуждает писать, но делаю это для того, чтобы кропотливым трудом удовлетворить твое желание. Чтобы избежать многословия, я приступлю к обсуждению вопроса, как только дам тебе одно наставление: теория без непрерывной практики произнесения речей принесет мало пользы; из этого ты можешь понять, что положения предлагаемой теории должны применяться на практике.

2. Обязанностью оратора является умелое обсуждение вопросов, в которых законом и обычаем положено выражение гражданской позиции, а также обеспечение, насколько это возможно, согласия с ним его слушателей. Существует три вида речей, которыми оратор дол-

жен владеть: **показательные, совещательные и судебные**. Показательная речь посвящена похвале или порицанию какого-либо известного лица. Совещательная состоит в обсуждении политики и включает в себе убеждение и разубеждение. Судебная речь основана на правовом споре и включает уголовное преследование или гражданский иск, а также защиту в суде.

Сейчас я объясню, что обязан уметь делать оратор, а затем укажу должные средства исполнения этих обязанностей.

Итак, в [разработке] речи следует выделять **изобретение** (inventio), **композицию** (dispositio), **стиль** (elocutio), **запоминание** (memoria) и **исполнение** (pronuntiatio). Изобретение есть разработка предмета речи – истинного или правдоподобного положения, – чтобы представить его убедительно. Композиция есть упорядочение и распределение материала, устанавливающее точное место, которому каждая часть [речи] должна соответствовать. Стиль является приспособлением подходящих слов и изречений, по этому вопросу высказанных. Запоминание заключается в надежном удержании в уме существа дела, слов и их порядка. Исполнение заключается в изящной соразмерности голоса, мимики и жестов.

Всеми этими вещами можно овладеть тремя способами: изучением теории, подражанием и практикой. Под теорией понимается набор правил, которые обеспечивают определенный метод и систему говорения. Подражание стимулирует нас добиваться, в соответствии с изученным методом, эффективности некоторых способов говорения. Практика заключается в прилежном упражнении и опыте говорения.

Итак, после того как я показал, какими родами речей оратор должен владеть и что он обязан уметь делать, очевидно, что сейчас надо показать, каким образом речь может быть приязнена к теории обязанностей оратора.

3. Изобретение используется в шести частях речи: **введении** (exordium), **повествовании (изложении фактов)** (narratio), **разделении** (propositio), **доказательстве (свидетельстве)**⁶ (confirmatio), **опровержении** (refutatio) и **заключении** (conclusio). Введение является началом речи, благодаря ему души слушателей располагаются к благосклонному пониманию. Повествование или изложение фактов устанавливает, какие события произошли или могли произойти. При помощи деления мы уясняем, какие моменты согласованы [между сторонами], а какие являются спорными, и сообщаем, какую позицию намерены занять. Доказательство или свидетельство есть представление наших аргументов вместе с их подтверждением. Опровержение заключается в уничтожении аргументов оппонентов. Заключение является завершением речи, оформленным в соответствии с принципами искусства [риторики].

Наряду с обязанностями говорящего, чтобы сделать предмет легким для понимания, я привел также описание частей речи и согласовал их с теорией изобретения. Очевидно, что должно сначала обговорить [правила разработки] введения.

Устанавливая обстоятельства дела, чтобы составить более подходящее введение, следует рассмотреть, какие существуют виды дел. Видов дел четыре: **почетное** (honestum), **позорное** (turpe), **сомнительное** (dubium) и **мелкое** (humile). Дело считается почетным, когда мы либо защищаем то, что очевидным образом заслуживает защиты всеми людьми, или атакуем то, на что, кажется, все люди обязаны ополчаться; например, когда защищаем героя или преследуем отцеубийство. Дело трактуется как позорное, когда подвергается нападкам нечто почетное или когда защищается что-то позорное. Дело представляется сомнительным, когда оно частично почетное, а частично позорное. Дело является мелким, когда вопрос, который оно поднимает, считается неважным.

4. Ввиду этих соображений, имеет смысл соотнести теорию **введения** с видом дел. Существует два вида введения: **прямое вступление** (principiū), [по-гречески] называемое

⁶ Полужирным шрифтом в скобках указаны варианты названия частей, более подходящие для судебной речи.

προοίμιον, и *тонкий подход* (*insinuatem*)⁷, [по-гречески] называемый ἔφοδος. Прямое вступление сразу готовит слушателя для участия в речи. Его цель состоит в том, чтобы сделать слушателей внимательными, восприимчивыми и доброжелательными. Если дело сомнительное, будем строить прямое вступление на [завоевании] доброжелательного отношения [слушателей], так чтобы позорная часть дела не смогла навредить нам. Если дело мелкое, заставим слушателей быть внимательными. Если дело позорного вида, то до тех пор, пока не наткнемся на средство, которое обеспечит доброжелательность [слушателей] для нападения на противников, следует использовать тонкий подход, который я буду обсуждать позже. И, наконец, если дело почетного вида, будет правильным либо использовать прямое вступление, либо не использовать его [вовсе]. Если мы хотим его использовать, должно показать, почему дело является почетным, или же кратко указать, какие вопросы будем обсуждать. Если мы не хотим использовать прямое вступление, должно начать свою речь ссылкой на закон, письменный документ или какой-либо аргумент в пользу нашего дела.

Итак, поскольку мы надеемся иметь слушателя *восприимчивого, доброжелательного*

⁷ Мы следуем распространенной в англоязычной литературе трактовке римских терминов *principium* – вступление (или открытое начало речи), которое звучит как Direct Opening – прямое вступление; и *insinuatem* – инсинуация (или вкрадчивое приближение к предмету речи), которое звучит как Subtle Approach – тонкий подход.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.